

УДК 008+82:1 (Культура (в целом). Философия литературы)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ В ПОВЕСТЯХ Н.В.ГОГОЛЯ

© 2017 М.В.Петрова

Петрова Маргарита Витальевна, соискатель кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, обозреватель «Самарской газеты». E-mail: mprasa@mail.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 07.06.2017

С точки зрения функции границы анализируются литературные архетипы в «Петербургских повестях» Гоголя (http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/). Предпринята попытка выявить скрытые смыслы текста Гоголя посредством этого анализа. С помощью дифференцирующей функции границы можно проанализировать сходства и различия образов героев повестей Гоголя и архетипические образы. С точки зрения изолирующей функции – рассмотреть пространственные архетипы, присутствующие в повестях петербургского цикла. Сравнение способов пересечения метафорических границ героями гоголевских повестей и персонажами других произведений (фольклорных и литературных) дает возможность не только лучше изучить образы этих персонажей, но и лучше понять мотивы и последствия их поступков. *Вывод.* Использование теории изолирующей функции границы дало возможность определить свойства локуса города в петербургских повестях, его особых свойств и качеств. Анализ обратимого и необратимого пересечения метафорических (морально-нравственных и т.д.) границ героями повестей Гоголя и персонажами других литературных произведений позволил глубже изучить мотивы их поступков, а также определить сходства и различия архетипических сюжетов и сюжетов гоголевских повестей.

Ключевые слова: повести Гоголя, архетипы, граница, функции границы.

Значение архетипов в культуре и, особенно в искусстве, исследовано К.-Г.Юнгом: «Архетипические образы всегда сопровождали человека, они являются источником мифологии, религии, искусства. В этих культурных образованиях происходит постепенная шлифовка спутанных и жутких образов, они превращаются в символы, все более прекрасные по форме – всеобщие по содержанию» [1, с.15].

Причины большого значения архетипов для развития и существования культуры также выявлены К.-Г.Юнгом: «Любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, «задевает» нас; оно действительно, потому что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогают человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую сильную ночь» [1, с. 284].

Е.М.Мелетинский особо выделяет следующие архетипы: «мать» – вечная и бессмертная бессознательная стихия, «дитя» – начало пробуждения индивидуального сознания из стихии кол-

лективно-бессознательного, «тень» – оставшаяся за порогом сознания бессознательная часть личности, которая может выглядеть и как демонический двойник, «анима» для мужчин и «анимус» для женщин – бессознательное начало личности, выраженное в образе противоположного пола, «мудрый старик» («старуха») – высший духовный синтез, гармонирующий в старости сознательную и бессознательную сферы души [2, с. 74]. Эти архетипы присутствуют в петербургском цикле повестей Гоголя: «дитя» – Башмачкин и Поприщин [3, с. 183–201]; «тень» (демонический двойник) – нос (повесть «Нос»); «аниме» – блудница (повесть «Невский проспект»).

В результате операции различения определенные свойства предмета, относительно которых производилось разделение, выделяются, им придается особое значение [4]. С помощью дифференцирующей функции границы можно проанализировать сходства и различия образов героев повестей Гоголя и архетипические образы. С точки зрения изолирующей функции – рассмотреть пространственные архетипы, присутствующие в повестях петербургского цикла. Сравнение способов пересечения метафорических границ героями гоголевских повестей и персонажами других произведений (фольклорных и литературных) дает возможность не

только лучше изучить образы этих персонажей, но и лучше понять мотивы и последствия их поступков.

В «Повести о Горе-Злочасти» наставление родителей сыну отражает правила общинно-родового строя XVII века, от которого отрекается герой этой повести:

«Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очам воли,
не прельщайся, чадо на добрых красных жен,
отеческия дочери.

Не ложися, чадо, в место заточное
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тебя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великого
и племени укору и поносу безделного»
[5, с.429].

Герой «Повести о Горе-Злочасти» не слушает отца и мать, наживает деньги и «приобретает» таким образом друзей. «Друг» зазывает молодца в кабаки, говорит, что будет стеречь его сон и обманывает. Герой просыпается раздетым и одевается в отрепье, которое лежит рядом.

Этот сюжет повторяется в повести «Шинель». Башмачкин нарушает наставления, которые дают молодцу из «Повести о Горе-Злочасти» родители: сначала он идет на пир в складчину (не смог отказать настойчивым просьбам сослуживцев, новоиспеченных «друзей», заинтересованных его новой шинелью – по аналогии с друзьями молодца из «Повестей», появившихся после того, как он немного разбогател), затем «Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала» (132) шампанского («две чары за едину»), потом он «подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою» (133) (нарушив запрет не прельщаться на добрых красных жен) и в итоге оказался в месте «где прорезывалась улица бесконечную площадью с едва видными на другой стороне ее домами, которая глядела страшную пустынею» (133).

Молодец из «Повести...» выглядит в пьющей толпе «белой вороной, случайным гостем» [6, с.385]. Также неуютно чувствует себя на вечере и Башмачкин: «Все это: шум, говор и толпа людей, – все это было как-то чудно Акакию Акакиевичу» (132).

«Повесть...» начинается с описания грехопадения Адама и Евы. Изображение первородного греха как пьянства – явление редкое. «Первых

людей обольстил змей, который был «хитрее всех зверей полевых» [6, с.387]. Змей прибавляется и к молодцу (пьянство в этом случае приравнивается к грехопадению). «Вкусив запретного плода, Адам и Ева узнали, что наги». Это происходит и с героем «Повести...»:

«От сна молодец пробуждается,
В те поры молодец озираетца:
а что сняты с него драгие порты,
гиры и чулочки – все поснимано,
рубашка и портки – все слуплено...»
[5, с.431]

В «Шинели» змеем-искусителем для Башмачкина является портной Петрович: пьяница, согласно народным поверьям, «есть прежде всего слуга черта» [7, с.8]. Именно Петрович «оголяет» Акакия Акакиевича, объявляет негодной (несуществующей) его одежду (равно как и змей-искуситель открывает глаза Адаму и Еве на их наготу): «Нет, нельзя поправить: худой гардероб! <...> Дело совсем плохое <...> а шинель уж, видно, вам придется новую делать» (124). Таким образом Башмачкин оказывается «оголенным» и вынужден шить себе новую шинель (по образу Адама и Евы, сделавших себе одежду из листьев).

Мотив «раздевания» портным своего клиента, «лишения» его одежды (запрет на ее носку или пошив) и мотив совмещения образов одежды и жены присутствует и в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» [2, с.265]: «То вдруг снилось ему (Шпоньке – прим. М.П.), что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя; что он в Могилеве приходит в лавку к купцу <...> Иван Федорович берет подмышку, идет к жидам, к портному. «Нет, – говорит жид, – это дурная материя! Из нее никто не шьет себе сюртука» (II, 200).

В повести «Шинель» между образам шинели и образом гипотетической жены Башмачкина существует граница: она существует в воображении автора, который сравнивает обретенное героем счастье с женитьбой: «С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была никто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» (III, 128).

Автор условно, метафорически сравнивает шинель с женой, у них есть общий признак – они

делают существование полнее. У Ивана Федоровича же происходит сращивание образа материи и образа жены: в его сновидении жена не сравнивается с материей, она становится материей. И ею как материей оперируют купец и портной. Причем, если в случае с Башмачкиным именно портной «навязывает жену» герою (вынуждает шить новую шинель и таким образом наделяет жизнь Акакия Акакиевича смыслом), то в случае со Шпонькой портной, напротив, отвергает возможность пошива из этой ткани-жены. Молодец из «Повести...» сначала лишается платья, затем жены: прикинувшись архангелом Гавриилом, Горе-Злочастье отвращает молодца от женитьбы, выступая в этом эпизоде в роли змея-искусителя. «Это – идейная кульминация произведения. Молодец погиб окончательно, бесповоротно. Ему еще не встать на ноги, не сбросить иго Горя-Злочастья. Избрав личную судьбу, он избрал одиночество» [6, с.390].

Лишение «жены» (шинели) заканчивается гибелью и для Башмачкина. Несмотря на то, что портной Петрович (искуситель Башмачкина) не отнимает у него жену (как это происходит в «Повести о Горе-Злочастьи» и в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), в конечном итоге герой «Шинели» все же лишается «жены» (то есть шинели).

Выявление архетипов русских народных сказок в повестях Гоголя позволило не только объяснить образы и мотивы повестей, но и обнаружить скрытые смыслы гоголевских текстов. В локусе города повестей петербургского цикла актуализируется изолирующая функция границы. Герои повестей лишены своих корней, связи с природой. Это порождает особый мир, существующий по своим искаженным законам.

С точки зрения дифференцирующей функции границы были проанализированы образы героев повестей Гоголя и сказочные и литературные архетипы. Это позволило более полно разобраться сходства и различия этих образов, а, следовательно, выявить, в какой степени они освоены Гоголем и какое значение они имеют для поэтики повестей.

Использование теории изолирующей функции границы дало возможность определить свойства локуса города в петербургских повестях, его особых свойств и качеств. Анализ обратимого и необратимого пересечения метафорических (морально-нравственных и т.д.) границ героями повестей Гоголя и персонажами других литературных произведений позволил глубже изучить мотивы их поступков, а также определить сходства и различия архетипических сюжетов и сюжетов гоголевских повестей.

1. Юнг, К.Г. Архетип и символ. М., Ренессанс, 1991. С. 15.
2. См.: Мелетинский, Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии. М., Российский государственный гуманитарный ун-т, 2001. С. 74.
3. Более подробно см. раздел «Инфантильное и детское» в книге В.Ш.Кривоноса «Повести Гоголя. Пространство смысла». Самара, Самарский государственный педагогический ун-т, 2006. С. 183–201.
4. Подробнее об этом см. Прасковьяна, М.В. Граница в повести Н.В.Гоголя «Невский проспект» // Известия Самарского научного центра РАН (*Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*). Том 12 №3 (3) (35). 2010. С. 785–788; Прасковьяна, М.В. Функции границы и ее пересечение в Петербургских повестях Н.В.Гоголя // Известия Самарского научного центра РАН. (*Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*). Том 15, номер 2(2), 2013. С. 478–480.
5. Литература Древней Руси. Хрестоматия / под ред. Д.С.Лихачева. М., Высшая школа, 1990. С. 429.
6. История русской литературы. В 4-х томах / под ред. Д.С.Лихачева. Л., Просвещение, 1980. Т. 1. С. 385.
7. Максимов, С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., Полисет, 1994. С.8.

LITERARY ARCHETYPES IN THE GOGOL'S NOVELS

© 2017 M.V.Petrova

Margarita V. Petrova, Applicant of the Chair of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature, observer of the "Samarskaya gazeta". E-mail: mpras@mail.ru

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia

Literary archetypes in the Gogol's Petersburg novelettes are analyzing from the point of view of the border's functions (http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/). In this article was made an attempt to define hidden meanings of the Gogol's text by this analysis. Similarities and differences between the characters of Gogol's novelettes and archetypal images can be analyzed by means of the differentiative border's function. By means of the isolating function – explore spatial archetypes, which present in the Gogol's Petersburg novelettes. The comparison of ways of crossing metaphorical borders by characters of the Gogol's novelettes and by the characters of other

texts (folklore and literature) enables not only to explore these characters better, but also to understand their motivations and consequences of their actions. *Conclusion.* Using the theory of the isolating border's function gave the possibility to define the locus's properties of the city in the Petersburg novelettes, its exceptional features and qualities. The analysis of reversible and irreversible crossing of metaphorical borders (moral and etc.) by the characters of Gogol's novelettes and the characters of the other works of literature allowed to further explore motivations of their actions, and also to define similarities and differences between archetypal stories and stories of Gogol's novelettes.

Key words: Gogol's novels, archetypes, the border, border's functions.

1. Yung, K.G. Arkhetip i simvol (Archetype and symbol). M., Renessans, 1991. S. 15.
2. Sm.: Meletinskii, E.M. O proiskhozhdenii literaturno-mifologicheskikh syuzhetnykh arkhetipov (About an origin of literary and mythological subject archetypes). *Literaturnye arkhetipy i universalii*. M., Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi un-t, 2001. S. 74.
3. Bolee podrobno sm. razdel «Infantil'noe i detskoe» v knige V.Sh.Krivososa «Povesti Gogolya. Prostranstvo smysla» (Sense environment). Samara, Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii un-t, 2006. S. 183–201.
4. Podrobnee ob etom sm. Praskov'ina, M.V. Granitsa v povesti N.V.Gogolya «Nevskii prospekt» (Border in N.V. Gogol's novelette "Nevsky Avenue"). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. Tom 12 №3 (3) (35). 2010. S. 785–788; Praskov'ina, M.V. Funktsii granitsy i ee peresechenie v Peterburgskikh povestyakh N.V.Gogolya (Functions of border and its crossing in St. Petersburg N.V.Gogol's novelettes). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. Tom 15, nomer 2(2), 2013. S. 478–480.
5. Literatura Drevnei Rusi. Khrestomatiya (Literature of Ancient Russia. Chrestomathy) / pod red. D.S.Likhacheva. M., Vysshaya shkola, 1990. S. 429.
6. Istoriya russkoi literatury (History of Russian literature): v 4-kh tomakh / pod red. D.S.Likhacheva. L., Prosveshchenie, 1980. T. 1. S. 385.
7. Maksimov, S.V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila (Evil, unknown and God spirit). SPb., Poliset, 1994. S.8.